

УДК 82.081 : 398
DOI 10.17223/18137083/71/3

Ю. В. Лиморенко

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Сюжетная ситуация
«натягивание лука, который никто не может натянуть»:
варианты в фольклоре народов мира**

Исследуется семантика и прагматика сюжетной ситуации «натягивание лука, который никто не может натянуть». Рассматриваются составные части ситуации, описаны их сочетания в различных записях образцов повествовательного фольклора народов Сибири, Средней и Юго-Восточной Азии, Кавказа. Показано, что инвариантом сюжетной ситуации является акция героя – натягивание лука, который не может натянуть никто другой; все остальные элементы сюжетной ситуации могут варьироваться или отсутствовать. Варьирующиеся структурные элементы классифицированы по частоте их появления. Показано, что древняя мифологическая основа сюжетной ситуации в ряде вариантов может быть размыта и опущена.

Ключевые слова: фольклор, фольклорный сюжет, сюжетная ситуация, герой-стрелок, сюжет «муж на свадьбе своей жены», мотив «натянутый лук».

В мировом повествовательном фольклоре нередки тексты, в которых кульминацией судьбы героя является состязание или испытание: герой должен натянуть лук, который никто другой натянуть не способен. Иногда этот эпизод ключевой в повествовании, а иногда лишь одно из приключений, выпадающих на долю персонажа. Сходство сюжетной ситуации в различных фольклорных источниках побудило исследовать ее с точки зрения состава и семантики. Анализу сюжетной ситуации с этой позиции и посвящена настоящая статья. В качестве иллюстраций привлекаются широко известные в культуре текст поэмы «Одиссея», из которой большинству читателей известен эпизод с луком, а также текст поэмы «Рамайана», в которой эпизод лучших состязаний за невесту также играет важную роль.

Изучение доступных нам источников показывает, что наибольшее распространение сюжетная ситуация имеет в фольклоре тюркоязычных народов Сибири и Средней Азии, среди народов Кавказа, а также в отдельных районах Индокитая. В Европе, на Дальнем Востоке и в обеих Америках тексты, содержащие указанную сюжетную ситуацию, пока не зафиксированы. С появлением нового фольклорного материала это положение может измениться.

Лиморенко Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; limorenko.yulia@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2020. № 2
© Ю. В. Лиморенко, 2020

В качестве мифологического мотива сюжетная ситуация натягивания лука описана в каталоге Ю. Е. Берёзкина¹ под индексом К12а «Натянутый лук». В каталоге приведены краткие пересказы сюжетов соответствующих преданий и мифов, и при работе с каталогом мы опираемся на эти пересказы. Помимо каталога источником материала служат тексты исторических преданий алтайцев и хакасов, опубликованные в двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (тома 30 и 34 соответственно). Всего найдено и изучено 24 варианта. У других сибирских народов предания, содержащие эту сюжетную ситуацию, пока не зафиксированы.

Чтобы описать составляющие сюжетной ситуации в различных вариантах, обратимся к схеме анализа мотива, предложенной И. В. Силантьевым [2004, с. 126–132]. В настоящей статье мы рассмотрим семантику, синтактику и прагматику сюжетной ситуации: актантов, атрибуты агенса, топосы, объект ситуации, действие агенса и отношения актантов. Также будут изучены сюжетное окружение ситуации натягивания лука и выходы из нее для главного персонажа (героя).

I. Мифологические основы сюжетной ситуации

Лук в культурах народов мира имеет обширные символические связи. В числе таких связей – осмысление лука как проводника плодородной силы, а выстрела из него – как акта оплодотворения (где лук – женское чрево, а стрела – мужская сила, чем объясняется присутствие лука и стрел в свадебных обрядах многих народов) [МНМ, с. 75–76]. Этот мотив, по-видимому, достаточно древний, объясняет, почему состязания за невесту в эпических сказаниях и обрядах народов мира проходят в виде соревнований в стрельбе, а способность героя натянуть лук (т. е. его сила) напрямую связана с вопросом его женитьбы.

Ниже при рассмотрении компонентов сюжетной ситуации мы увидим, что тематика борьбы за невесту и последующей свадьбы в том или ином виде сохранена во многих вариантах сюжетов о натягивании лука [Там же]. То, что только герой-стрелок способен натянуть лук, – признак его исключительности, характерная черта жениха, который в момент сватовства и женитьбы воспринимается как самый сильный и могучий мужчина.

Древность и устойчивость тематики свадьбы показывает, что варианты сюжетов, в которых эта тема отсутствует, сравнительно поздние, их связь с мифологической основой в значительной мере разрушена.

II. Семантика сюжетной ситуации

Предикатом события во всех известных вариантах является натягивание лука, который никто, кроме героя, не может натянуть. Инвариант актанта (агенса) – стрелок (герой). Все остальные составные части сюжетной ситуации, кроме одной, в значительной степени варьируются. Далее мы рассмотрим эти варианты и способы их воплощения в текстах сказок и преданий.

1. Агенс – стрелок. Во всех случаях стрелок – главный герой повествования или той его части, которая посвящена его подвигам (если текст включает несколько сюжетных линий). Так, в алтайских преданиях о Шуну присутствует эпизод натягивания лука центральным персонажем (Шуну) [НПА, 2011, тексты 143, 144]. В хакасских преданиях об *алыпах* герой, натягивающий чудесный лук, – также всегда главный герой [НПХ, 2016, тексты 69–72].

¹ См.: Берёзкин Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (дата обращения 05.09.2019).

1а. Атрибуты стрелка.

Атрибут «неузнанный герой» – важная составляющая сюжетной ситуации. Самый известный из неузнанных героев-стрелков – это Одиссей, пришедший в собственный дом под видом нищего: «Прежде, однако, тебя превращу я, чтоб не был никем ты / Узнан: наморщю блестящую кожу твою на могучих / Членах, сниму с головы златотемные кудри, покрою / Рубищем бедным плеча, чтоб глядел на тебя с отвращеньем / Каждый, и струпом глаза, столь прекрасные ныне, подерну; / В виде таком женихам ты, супруге и сыну (который / Дома тобой был оставлен), неузнанный, будешь противен» (Одиссея, песнь XIII)². Герои-стрелки в повествовательном фольклоре других народов иногда также маскируются, чтобы остаться неузнанными до момента натягивания лука: «Я в рваном *тоне* буду, лицо-голову сажей измазав, как слуга у порога двери буду сидеть» [НПА, 2011, с. 329]. В виде нищего, оборванца герой-стрелок появляется в повествовательном фольклоре кабардинцев, абазин, волжских и сибирских татар, алтайских тувинцев, в облике бедного работника (табунщика, свинопаса, бедного джигита, косаря) – у кумыков, грузин, туркмен, башкир, японцев³. Иногда тексты не уточняют, чей облик принял стрелок, а просто указывают, что его нельзя узнать (буриши⁴, дунгане, два японских варианта)⁵.

1б. Увечье героя. Распространенный атрибут героя – его увечье, которое ему наносят, чтобы уменьшить его силу и, в частности, не дать ему стрелять. В алтайском предании об этом говорится так: «Шуну-батыру... оба глаза надо выколоть, глаза собачьи вставить, надо у него обе лопатки вынуть, лопатки собачьи вставить...» [НПА, 2011, с. 321]. В хакасских преданиях также есть описания увечий, наносимых герою: «Потом он у своего сына на руках все жилы изрезал. Только на мизинце жила осталась» [НПХ, 2016, с. 261]; «...две ключицы [Ир-Сулану] вынул...» [Там же, с. 273]. В кумыкской сказке старшие братья выкалывают глаза младшему и забирают добытые им сокровища⁶. Перед тем как натянуть лук, герой тем или иным образом (колдовством, волшебными травами или просто возвращением частей тела) излечивается; однако в ряде текстов (например, в хакасском предании [Там же, текст 72]) герой остается калекой (в указанном тексте однорукий герой остается одноруким, но это не мешает ему натянуть лук и выпустить стрелу). В ряде случаев герою не просто наносят увечье, а убивают, но благодаря чудесным помощникам он возвращается к жизни (варианты кабардинцев, абазин⁷).

2. Пациенс / пациенсы – убитый / убитые стрелком. Не все герои-стрелки убивают врагов и даже не все стреляют из лука (об этом будет подробно сказано далее, при анализе объекта). На примере Одиссея мы знаем, как может развиваться конфликтная ситуация: неузнанный герой приходит в свой дом (о доме будет сказано ниже), терпит оскорбления от враждебно настроенных гостей, вызывается участвовать в состязании, натягивает лук, который никто не может натянуть, выполняет условия состязания, а вслед за этим убивает врагов (Одиссея, песнь XXI). В похожих обстоятельствах убивают врагов герои-стрелки в повествовательных текстах других народов. Так, у качинов⁸ и у грузин герой убивает брата, похи-

² Здесь и далее цит. по: Гомер. Одиссея. URL: <https://rvb.ru/19vek/zhukovsky/01text/vol4/01odyssey/315.htm> (дата обращения 05.09.2019).

³ Берёзкин Ю. Е. Тематическая классификация...

⁴ Буриши (буришки, буруши) – народ на северо-западе Индии. Говорят на языке бурушаски (изолированный язык) [Народы и религии мира, 1999, с. 114].

⁵ Берёзкин Ю. Е. Тематическая классификация...

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Качины – народ сино-тибетской группы, живущий на севере Мьянмы [БСЭ, 1975].

тившего его жену; у аварцев и кумыков, туркмен, саларов⁹, эвенов герой стреляет в своих братьев¹⁰, а у дунган стрелок поражает братьев стрелами, возвращая им первоначальный нечеловеческий облик: один становится камнем, а другой – деревом¹¹. У сибирских татар стрелок убивает друга-предателя, а у алтайских тувинцев герой стреляет во враждебного героя, который хочет жениться на его матери¹². Японский герой-стрелок убивает или слугу-предателя, или своих братьев¹³.

3. Объект – лук. В каталоге Ю. Е. Берёзкина отмечается, что в редких случаях в изучаемой сюжетной ситуации место лука может занимать копьё (его нужно поднять и / или бросить), но копьё мы в нашем анализе не рассматриваем. Лук как объект воздействия агенса интересен тем, что порождает вариацию: иногда его просто натягивают, а иногда сила героя так велика, что лук ломается, поэтому из него уже нельзя выстрелить.

Несколько примеров из текстов покажут, как выглядят эти варианты.

«Когда принесли [лук], этот Шуну, тут же его схватив, стал натягивать и натягивать. Натянув тот лук через все зарубки, сломал его. Когда он сломался, собрав всё в охапку, выбросил за дверь» [НПА, 2011, с. 313].

«– Остановиться ли мне на третьей подставке или разломать лук в трёх местах? – так спросил.

Калдан-каан ответил:

– *Калак-кокый*, вещь великого *каана* не порти, остановись на той же зарубке, – сказал» [Там же, с. 329].

«Жена, сходяв, сына привела. Тот одним мизинцем до девяти зарубок натянул, за десятую зацепил» [НПХ, 2016, с. 263].

«В руки взяв, когда тетиву лука туда-сюда тянул, лук туда-сюда качался. Когда, ногами упершись, зубами схватив, натягивал, лук совсем сломал» [Там же, с. 277].

Происхождение лука также варьируется. В ряде случаев лук принадлежит самому герою (как лук Одиссея), иногда особо тугой лук приносят или присылают специально для испытания силы стрелков, в некоторых случаях его происхождение не известно и не важно, это просто очень тугой лук. Примеры луков, принадлежащих герою, наиболее часты. В преданиях и сказках качинов, байга¹⁴, кабардинцев, абазин, грузин, туркмен, буришей, волжских татар, башкир, саларов, дунган, алтайских тувинцев, японцев¹⁵ герой натягивает свой собственный лук.

В преданиях алтайцев и хакасов лук присылает правитель вражеской страны, чтобы испытать, есть ли у соседей герой, способный натянуть такой лук. «От Моол-хана весть пришла: “Натянуть [тетиву лука] до девятой зарубки... Если некому стрелять, завтра же с войной приду”» [НПХ, 2016, с. 269]. «Теперь надо их [людей Тёрбён-Ойрота] мощь-силу испытать... Это [железный лук] может сдвинуть с места только такой сильный человек, как Шуну» [НПА, 2011, с. 309].

В некоторых случаях происхождение лука неизвестно, отмечается только, что натянуть его не под силу обычному человеку. Такие примеры дает нам повествовательный фольклор кумыков, сибирских татар, эвенов¹⁶.

⁹ Салары – тюркоязычный народ в Китае (провинции Цинхай, Ганьсу, Синьцзян) [БСЭ, 1975, с. 510].

¹⁰ Берёзкин Ю. Е. Тематическая классификация...

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Байга – индийский этнос, проживающий в штате Мадхья-Прадеш в Индии. Говорят на языке байгали дравидийской группы [Народы и религии мира, 1999, с. 73].

¹⁵ Берёзкин Ю. Е. Тематическая классификация...

¹⁶ Там же.

Для сравнения приведем отрывок из поэмы «Рамаяна», где чудесный лук послан богом Шивой: «Этот лук, несравненный по мощи, / Грозный, с сияющей дугою, / Был дарован богами Джанаке / Во время жертвенной церемонии. / Ни сами боги, ни асуры, / Ни гандхарвы, ни ракшасы, / Ни тем более смертные люди / Не способны его натянуть» [Рамаяна, 2006, с. 110].

Имеющиеся материалы показывают, что чаще всего в сюжетной ситуации упоминается лук, принадлежащий герою, реже – лук неизвестного происхождения, еще реже – лук, который прислан для испытания силы богатырей. Конечно, исследование новых источников может изменить это соотношение.

3а. Событие – стрельба из лука. Как уже говорилось, стрелок, натянув лук, не всегда выпускает стрелу. Если лук при натягивании ломается, это тем более невозможно. Если герой всё же стреляет, то в семантике ситуации появляются варианты. О первом из них говорилось выше (убитые враги). Второй вариант – это выполнение условий состязания. Так, Одиссей легко выполняет условие, пропуская стрелу через двенадцать колец. Подобные испытания меткости и/или дальности стрельбы проходят герои и в других записанных текстах, но их сравнительно немного. Так, в одной из японских версий герой участвует в состязаниях в меткости и побеждает¹⁷. В хакасском предании стрелок отправляет стрелу во владения соседнего хана: «В этот день Халдама, лук взяв, выстрелил. Немного погоды весть пришла: стрела долетела, монгольский хан стрелка к себе зовёт» [НПХ, 2016, текст 70].

3б. Событие – поломка лука. Ряд вариантов содержит упоминания о том, что лук, натянутый героем, ломается – с такой силой стрелок натягивает его (варианты буришей¹⁸, алтайцев [НПА, 2011, текст 143], хакасов [НПХ, 2016, текст 71]). В одном из алтайских вариантов (цитированном выше) герой спрашивает, следует ли ему сломать лук, но его отговаривают [НПА, 2011, текст 144]. Вариант такого развития ситуации описан в поэме «Рамаяна»: «Благородный потомок Рагху / Легко, словно играючи, / Поднял божественный лук. / И, подняв его вверх, многосильный, / Лучший из людей Рама / Так натянул на нем тетиву, / Что лук сломался посередине» [Рамаяна, 2006, с. 208].

4. Топос – родной дом. Изучаемая сюжетная ситуация начинается с отсутствия героя в его обычном качестве в своем доме. Почти во всех случаях необходимым событием сюжета является возвращение героя в родной (свой, отцовский, материнский) дом, где и происходит натягивание лука. Топос родного дома присутствует в большинстве источников. Из всех известных вариантов только в некоторых герой действует не в своем доме. Так, у байга, кабардинцев, буришей, волжских татар, эвенов (как и в «Рамаяне») он натягивает лук в доме будущего тестя¹⁹, у алтайских тувинцев герой натягивает лук в доме своего врага, желающего жениться на матери героя²⁰.

5. Отношения между актантами – узнавание героя. В некоторых из записанных текстов (но не во всех) герой, который, как мы помним, является домой неузнанным, встречает кого-то из близких ему людей, которые узнают его. В «Одиссее» описано, как кормилица Эвриклея узнает царя по шраму на ноге: «Но только она подошла к господину, рубец ей / Бросился прямо в глаза» (Одиссея, песнь XIX). Подобные приметы выдают героя-стрелка и в других текстах. У волжских татар и саларов невеста или жена узнает героя по родинке на голове; у башкир герой сам показывает пастуху золотой полумесяц на своем темени, и пастух узнает его. У алтайских тувинцев пастух и его жена узнают героя по

¹⁷ Берёзкин Ю. Е. Тематическая классификация...

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

трем особым приметам (от его коня поднимается трехцветная радуга, герой спит, высунув ногу из юрты наружу, а чай пьет из деревянной ступки). В одной из японских версий кормилица узнает героя по сломанному зубу или по шраму на спине ²¹.

В ряде случаев героя узнают не по какой-то особой примете; так, не уточняясь способы узнавания в повествовательном фольклоре абазин, кумыков, аварцев, грузин, сибирских татар, японцев (причем в двух японских версиях героя узнает не человек, а конь) ²².

Ситуация узнавания героя – не инвариант: в ряде преданий алтайцев и хакасов герой не маскируется, и все знают, кто будет натягивать лук [НПА, 2011, текст 144; НПХ, 2016, тексты 69–71].

III. Синтактика сюжетной ситуации

Сюжетное разнообразие повествований, включающих сюжетную ситуацию натягивания чудесного лука, очень велико, поэтому в рамках настоящей статьи имеет смысл сказать только о двух эпизодах, составляющих ее окружение. Это нарушение прав героя и/или причинение ему обиды (предшествующее ситуации натягивания лука) и свадьба (следующая за эпизодом с луком).

1. Нарушение прав героя, покушение на его жизнь, нанесение увечий, лишение принадлежащего ему владения, жены или невесты и другие действия, уничтожающие статус героя, имеют настолько различные мотивировки, что выстроить их классификацию не представляется возможным. Приведем лишь некоторые примеры. В туркменской версии братья калечат героя, чтобы отнять у него трех пери, добытых в бою ²³. В дунганской версии герой также страдает от рук братьев и тоже из-за волшебных жён-голубок ²⁴. В японских повествованиях слуга-предатель бросает хозяина в трудной ситуации и завладевает его домом, имуществом и женой, еще в одной японской версии героя оствляют без помощи родные братья.

Алтайские и ряд хакасских версий сюжета отличаются сравнительно редкой мотивировкой нападения на героя. В алтайских преданиях отец велит искалечить и заточить сына-героя за его неподобающее поведение, причем в одном случае герой и в самом деле нарушает долг правителя («Туда, где встаёт солнце, воевать с народом, там живущим, не слушаясь своего отца, он отправился» [НПА, 2011, текст 143]), а в другом пытается избавить народ от сверхъестественной опасности, но хан-отец не понимает его намерений: «О том, что напустили такого злого духа, в стране Калдан-Ойрота ни один человек не знал. Только один Шуну узнал об этом. Где появится злой дух, он тоже узнал. <...> Шуну-батыр, бесшумный лук сделав, детей, которые, плача, вечером, на закате, бежали в сторону захода солнца, убивал. В рыжих коров с сомкнутыми рогами, которые мычали, повернувшись в сторону захода солнца, убивал. В мухортых собак с четырьмя белыми отметинами [на лбу], как только они, повернувшись на запад, залают, убивал... <...> За то, что Шуну совершает такие злодеяния, его надо строго наказать, – решили» [Там же, текст 144].

Герои хакасских текстов терпят унижения из-за своих охотничьих талантов. Так, героя Амыр-Сарыга калечит и бросает в яму отец из зависти к его охотничьим умениям: «Видят: среди деревьев лежит. Большой зверь лежит. Ближе подойти боятся. Когда перестал шевелиться, потихоньку-потихоньку подходят. Даже когда

²¹ Берёзкин Ю. Е. Тематическая классификация...

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

близко подошли, не шевелится. Ближе-ближе подходят, подошли. Видят: он с простреленной головой, из ивового дерева обруч сделан, оказывается. Видят: следы трёхлетнего босоногого ребёнка виднеются. Потом оттуда домой вернулись. [Человек, едущий на мухортном коне,] своей жене говорит:

– Что это такое? – говорит.

Жена говорит:

– О, моего ребёнка вы даже не стоите, – говорит» [НПХ, 2016, текст 69].

В другом хакасском предании герой искалечен и заточен братом по той же причине – из зависти к младшему брату-охотнику [Там же, текст 70].

2. В большинстве текстов, содержащих изучаемую сюжетную ситуацию, за эпизодом стрельбы следует свадьба, обстоятельства которой весьма разнообразны. Это может быть возвращение мужа к жене, женитьба героя на обещанной ему или покинутой невесте, победа в состязании за невесту (в этом состязании и предлагается натянуть чудесный лук), просто свадьба как завершение героической биографии. Часть текстов не содержит эпизода свадьбы; в них, как правило, эпизод натягивания лука ключевой, и за ним следует лишь логическая развязка.

Эпизод натягивания лука может входить в состав фольклорного сюжета «муж на свадьбе своей жены» (СУС 974 = АА *891). Отношения названного сюжета и сюжетной ситуации с луком выглядят так: сюжет «муж на свадьбе своей жены» может содержать эпизод с натягиванием лука, однако это не обязательно (так, славянские варианты былин, песен и сказок его не содержат). В свою очередь, сюжетная ситуация с луком может входить в состав других сюжетов (пример – повествовательный фольклор тюрков Южной Сибири).

Все имеющиеся в нашем распоряжении тексты мы можем разделить на группы по наличию-отсутствию эпизода свадьбы, а те, в которых этот эпизод есть, классифицировать дальше по его конкретному содержанию.

В группу текстов, не содержащих свадебного эпизода, входят тексты алтайцев, хакасов, алтайских тувинцев (в них у героя вообще нет ни невесты, ни жены, которую нужно вернуть), а также варианты качинов, эвенов, буришей, саларов, дунган и японцев, где герой просто освобождает жену (или жён).

Группа текстов, содержащих эпизод свадьбы, делится на три подгруппы:

а) у байга, волжских татар, туркменов, в одной из версий преданий сибирских татар присутствует эпизод повторной свадьбы, на которую приходит герой; женщину обещают в жены тому, кто натянет лук. Здесь мы видим воплощение сюжета «муж на свадьбе своей жены»²⁵;

б) у карабинцев, абхазов, абазин, кумыков, аварцев, грузин, башкир герой женится на девушке, обещанной ему в жены, или просто на какой-то девушке, не оспаривая ее у других женихов-претендентов²⁶.

Для сравнения приведем эпизод из «Рамаяны», где Рама оказывается последним из претендентов на брак с Ситой, потому что другие женихи уже отсеялись и, таким образом, открытого состязания не происходит: «Я верен, о Каушика, обещанию / Выдать дочь в награду за силу, / И милую мне, как жизнь, Ситу / Я выдам замуж за Раму» [Рамаяна, 2006, с. 209].

Два из найденных вариантов не укладываются в рассмотренные выше сюжетные схемы. Так, в одной из версий, зафиксированных у сибирских татар, герой прогоняет жену, которая его не узнала и не стала спасать. В версии алтайских тувинцев герой приходит не на свою свадьбу, а на свадьбу своей матери и не позволяет ей стать женой персонажа, который перед этим пытался убить самого героя²⁷.

²⁵ Берёзкин Ю. Е. Тематическая классификация...

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

IV. Прагматика сюжетной ситуации

Независимо от сюжетного окружения рассматриваемого сюжетного события инвариантом его исхода становится восстановление справедливости, поправленных прав и защита чести героя. Как мы помним (см. раздел II), в завязке сюжета герою наносят оскорбление и / или увечье, лишают принадлежащего ему по праву, покушаются на его жизнь, а в качестве развязки герой чаще всего обретает прежний или более высокий статус (о некоторых исключениях из этого правила будет подробно сказано далее).

Ситуация натягивания лука – это кульминация повествования, ключевой момент, где раскрывается тайна личности героя, он предъявляет и защищает свои права и получает награду. Нередко его социальный статус при этом повышается. Так, у байга стрелок – сын бедных родителей – получает в жены дочь раджи, а вместе с ней – царский трон, выполнив условия, поставленные раджей (натянуть лук)²⁸. У кабардинцев и абазин сын простых родителей также становится правителем: сначала он строит себе золотой дворец (и обретает таким образом некоторое право называться владыкой), потом женится на дочери другого хана / князя и получает его царство²⁹. У кумыков, волжских татар герой участвует в состязании за право жениться на дочери царя / падишаха: ее мужем станет тот, кто натянет лук³⁰.

У аварцев, грузин, туркменов, саларов, дунган, сибирских татар, алтайских тувинцев, эвенов, японцев герой не изменяет своего статуса на более высокий, а возвращает свое прежнее положение³¹. Аналогично свой статус возвращает себе герой алтайских [НПА, 2011, тексты 143, 144] и хакасских [НПХ, 2016, текст 71] преданий.

Особый вариант развития ситуации после натягивания лука дает нам одно из преданий хакасов. Герой Амыр-Сарыг берется натянуть лук, чтобы спасти землю отца от набега, но после этого говорит: «У тебя ребёнка нет, у меня пусть отца не будет» [НПХ, 2016, текст 69], после чего уезжает из владений отца, выходя из системы отношений, в которой его лишили законного места.

* * *

Подводя итог изучению сюжетной ситуации «натягивание лука, который никто не может натянуть», мы приходим к выводу, что различные варианты повествований, содержащие эту сюжетную ситуацию, наиболее распространены у тюркоязычных народов Сибири и Средней Азии, на Кавказе и в ряде районов Индокитая. В остальных регионах подобные варианты пока не обнаружены, хотя наличие эпизода с луком в поэме «Одиссея» позволяет предполагать, что в Средиземноморье указанная сюжетная ситуация была известна.

Хотя эпизод с натягиванием лука, который никто не может натянуть, очень узнаваем в различных вариантах благодаря устойчивым сочетаниям ряда его элементов, инвариантом ситуации остается только сама акция – натягивание лука героем-стрелком. Все остальные ее элементы широко варьируются, среди них можно выделить более частотные и менее распространенные. Отмечено также, что в некоторых вариантах ряд семантических позиций может быть не занят.

Наиболее частотный элемент сюжетной ситуации (помимо инварианта) – это нарушение прав героя, в результате которого он может быть изувечен, изгнан, убит, лишен невесты или жены.

²⁸ Берёзкин Ю. Е. Тематическая классификация...

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

К сравнительно часто встречающимся элементам сюжетной ситуации относятся атрибуты героя (увечье – семь вариантов, неузнанность – тринадцать вариантов), пациенсы (убитые героем враги – десять вариантов), узнавание героя близкими (одиннадцать вариантов), а также место события – родной (отцовский, материнский) дом (восемнадцать вариантов). Гибнущими пациенсами нередко выступают братья героя и/или претенденты на руку его невесты или жены.

Десять известных нам вариантов не содержат эпизода свадьбы героя, в остальных он присутствует. Отсутствие этого эпизода говорит о разрушении мифологической основы сюжетной ситуации, ее отходе от изначального символического понимания (связь лука со свадьбой).

К относительно редким элементам сюжетной ситуации следует отнести поломку лука, эпизод «муж на свадьбе своей жены», натягивание лука не в родном доме героя, а в чужом, а также убийство героем своей матери или мачехи.

Особенно редок исход сюжетной ситуации, в которой героиня не восстанавливает свои поправленные права, а выходит за пределы системы отношений, в которую он был включен. Как и отсутствие эпизода свадьбы, такой исход показывает разрушение мифологической основы сюжетной ситуации, в рамках которой героиня должна восстановить или повысить свой статус.

Список литературы

Берёзкин Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (дата обращения 05.09.2019).

БСЭ – Большая Советская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1975. Т. 22.

Гомер. Одиссея. URL: <https://rvb.ru/19vek/zhukovsky/01text/vol4/01odyssey/315.htm> (дата обращения 05.09.2019).

МНМ – Лук // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 75–77.

Народы и религии мира. М.: Большая Рос. энциклопедия, 1999. 928 с.

НПА – Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойроткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).

НПХ – Несказочная проза хакасов / Сост. В. В. Миндибекова, Г. Б. Сыченко и др. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 34).

Рамаяна. Книга первая. Балаканда (Книга о детстве). Книга вторая. Айодхьяканда (Книга об Айодхье). М.: Ладомир; Наука, 2006. 896 с. (Литературные памятники.)

Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.

Yu. V. Limorenko

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, limorenko.yulia@yandex.ru*

The plot situation of “drawing a bow that no one can draw”: variants in the folklore of the peoples of the world

The paper explores the semantics and pragmatics of the plot situation of “drawing a bow that no one can draw.” Various versions of the narratives with this plot situation are most common among the Turkic-speaking peoples of Siberia and Central Asia, in the Caucasus and many areas

of Indochina. Although the episode is readily recognizable in various versions due to the stable combination of its elements, it is only the action of drawing the bow by the hero-shooter that remains invariant.

The most common element of the plot situation (besides the invariant) is a violation of the hero's rights, which may result in his being mutilated, exiled, killed, deprived of his bride or wife. Relatively common elements of the plot situation include the hero's attributes (the hero's mutilation and/or his being not recognized), patients (killed by the hero), recognition of the hero by relatives, and also the place of the event – the native (father's, mother's) home.

About half of the variants known to us contain no episode of the hero's wedding, the rest of them do have it. The absence of this episode indicates the destruction of the mythological basis of the plot situation, its departure from the original symbolic understanding (the connection of the bow with the wedding). Especially rare is the outcome of the plot situation in which the hero does not restore his violated rights but goes beyond the system of relations that he was part of. Like the absence of a wedding episode, such an outcome shows the destruction of the mythological basis of the plot situation.

Keywords: folklore, folklore plot, plot situation, shooter hero, plot of “husband at his wife's wedding”, motif of “the drawn bow”.

DOI 10.17223/18137083/71/3

References

Berezkin Yu. E. *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskiy katalog* [Thematic classification and distribution of folklore-mythological motives in ranges. Analytical catalogue]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (accessed: 05.09.2019)

Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya [The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow, Sov. entsikl., 1975, vol. 22.

Homer. *Odisseya* [The Odyssey]. URL: <https://rvb.ru/19vek/zhukovsky/01text/vol4/01odyssey/315.htm> (accessed: 05.09.2019)

Luk [Bow]. In: *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia]. Moscow, Sov. entsikl., 1988, vol. 2, pp. 75–77.

Narody i religii mira [Peoples and Religions of the World]. Moscow, Bol'shaya Ros. entsikl., 1999, 928 p.

Neskazochnaya proza altaytsev [Non-fairytale Prose of Altaians]. N. R. Oynotkinova, I. B. Shinzhin, K. V. Yadanova, E. E. Yamaeva (Comps). Novosibirsk, Nauka, 2011, 576 p. (Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 30).

Neskazochnaya proza khakasov [Non-fairytale Prose of Khakasses]. V. V. Mindibekova, G. B. Sychenko et al. (Comps). Novosibirsk, Nauka, 2016, 540 p. (Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 34).

Ramayana. Kniga pervaya. Balakanda (Kniga o detstve). Kniga vtoraya. Ayodkh'yakanda (Kniga ob Ayodkh'e) [Ramayana. Book One. Bala kanda (Book of the Childhood). Book Two. Ayodhya kanda (Book of Ayodhya)]. Moscow, Ladomir, Nauka, 2006, 896 p. (Monuments of Literature.)

Silantev I. V. *Poetika motiva* [The poetics of a motif]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 296 p.